

Александр БУТАКОВ

ЛИСТАЯ «КНИГУ ПАМЯТИ»

...Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

А. Твардовский. «Василий Теркин».

Не каждой женщине - жене,
Родной сестре, невесте -
О тех, что сгинули в войне,
В конце дожидаться вести.

А. Твардовский. «Дом у дороги».

В преддверии 50-летия Победы в Великой Отечественной войне на Алтае вышла в свет восьмитомная «Книга Памяти», посвященная нашим землякам, отдавшим свои жизни за свободу и независимость Родины*. В ней более 220 тысяч имен. К изданию готовится дополнительный том, где будет еще около двадцати тысяч фамилий воинов. В списках о каждом очень лаконичные данные о месте рождения и призыва воина, воинском звании, месте гибели и захоронения. Но и этого достаточно, чтобы восстановить в памяти дорогих тебе людей, особенно тех, кого знал лично или с кем шел дорогами войны.

Забывать мы их не вправе. Да, горько и страшно, что погибших тысячи, к тому же места гибели многих еще не установлены. Фамилии не вернувшихся с фронта вылиты на памятниках и обелисках, да и «Книга Памяти» - это книга-obelisk, дань уважения к погибшим и нашей скорби. Нелегко брать в руки эти большеформатные и многостраничные тома, заведомо зная, о чем рассказывает каждая строка. Но живая память требует этого. И мне, как и другим участникам той тяжелейшей войны, особенно дороги имена погибших и пропавших без вести. Ведь со многими из них пришлось пройти тысячи километров фронтовых дорог, делить невзгоды военной жизни и смотреть смерти в глаза.

Прошло полвека после окончания войны, но как наяву вижу подвижные образы своих сверстников: Николая Усольцева, Ивана Титова, двоюродного брата Егора Колесова, умершего от ран и похороненного в Туле, Андрея Шевченко, Ивана, Дмитрия и Николая Масальских, Дмитрия и Тимофея Лебедевых, Андрея и Петра Дружининых, Михаила Стрельченко, Тимофея Богатырева, Ивана Фоменко и других, чьи фамилии занесены в краевую «Книгу Памяти». Восемнадцатилетними ушли бни на фронт и не вернулись в родное село.

* Книга Памяти. т.т. 1-8. Алт. кн. из-во, 1993-95 гг.

Листаю страницу за страницей, и в памяти возникают люди старшего поколения из родной моей, некогда достаточно большой притаежной деревни Мостовой Заринского района. Она занимала оба берега одноименной речки, скатывающейся с одной из высоток Салаирского кряжа и несущей свои живительные воды по вольно раскинувшейся долине, уходящей в сторону Чумыша. Помню, как в сорок первом отцы и деды, жены и невесты провожали своих сыновей, внуков, мужей и женихов в армию. Нелегкие были эти проводы с маршевыми и грустными песнями, с плачем матерей, наказом дедов беречь себя, погасить развернувшийся пожар войны и быстрее вернуться домой. Но увы... Законы войны жестоки...

Тыл и фронт были едины, основные силы мужиков брошены на врага, а в тылу женщины трудились, не зная сна и отдыха. Враг наседал, извещений-похоронок приходило все больше и больше. В июле 1941-го пришли бумаги из райвоенкомата о гибели Андрея Олифиренко и моего дяди Тимофея Мельниченко, сложившего голову на Карельском перешейке. Несколько позднее пропал без вести другой родной дядя, Григорий Бутаков. Как выяснилось после войны, в одном бою он попал вместе с небольшим отрядом в окружение и был взят в плен. Гитлеровцы, по рассказам очевидцев из деревни, где некоторое время содержались пленные, жестоко издевались над ними, а затем расстреляли. Похоронки приходят на Потапа Кобзева, Трофима Колесова, Антона Лебедева, Алексея Старцева, Ивана Кузнецова, Тупкина Николая и других, которых вся деревня знала как трудолюбивых крестьян-колхозников.

Особенно тяжелыми были дни и месяцы к концу сорок первого года. Газеты приносили одну за другой нерадостные вести. В деревню все больше и больше стало поступать похоронок. Местная почтальонка иногда по 2-3 дня держала их у себя, пытаясь как-то подготовить жену или мать погибшего, прежде чем вручить известие о горькой беде. Помню, как скрепя сердце, но все-таки выходили на работу в поле или на ферму с поникшей головой солдатские вдовы, еще недавно жизнерадостные молодые женщины. Вот приносит почтальон свою тяжелую ношу в казенном конверте и старается быстрее уйти, чтобы не слышать горестных стонов и рыданий в семье погибшего.

В 1942 году был призван в армию колхозный счетовод Григорий Масальский, но прошло лишь несколько недель, как была получена похоронка и на него: умер от ранения, полученного под Новгородом. В это же время пропадает без вести в расцвете своих сил тридцатилетний Федор Ядыкин, старший брат моего друга юности Ивана Кузьмича.

Читаю в «Книге Памяти» фамилии своих деревенских земляков, и в глазах вновь и вновь возникают образы потомственных крестьян, работающих сельских людей: Степана Ткаченко, Александра Гончарова, моего соседа Александра Гостева. Погибают на полях сражений сильные и крепкие мужики Степан Токарев и Григорий Старцев - зять и сын Федора Никитовича и его жены Екатерины Емельяновны Старцевых, не дождавшихся с войны еще трех сыновей - Алексея, Ивана и Петра. Остались родители с младшими детьми да внуками. Один из внуков - Иван Григорьевич - впоследствии стал первоклассным механизатором, видным человеком на селе.

Не могу не назвать и своих учителей Федора Труфанова и Алексея Демидова. Это их трудами были созданы Мостовская и Зырянская школы. А как их любили школьники! Они умели хорошо доносить до сознания мальчишек и девчонок высокие идеалы любви к Родине, к родной природе, прививали нам лучшие черты человека. И вот их не стало. Тяжело переживали эту утрату не только в их семьях, но и в каждом доме Мостовой и Зырянки.

И еще назову имя одного обыкновенного, как говорят, рядового учителя. Масалов Афанасий Яковлевич учительствовал в школах ряда сел Заринского, тогда еще Сорокинского, района. Было нелегко: борьба с неграмотностью, создание специальных вечерних классов для взрослых и т. д. Но все постепенно налаживалось, жизнь шла на подъем. Учил детей грамоте, умению читать и считать, испытывая удовлетворение и радость, когда маленькие люди тянулись к основам наук. Он, как и все учителя тридцатых годов, мечтал о лучшей жизни людей на земле, пытался в какой-то степени осуществить эту мечту. Вот уж подрастать стали дети и в собственной семье, которых было пятеро. Но война нарушила и мечту, и жизнь, перечеркнула все планы. Пришлось учителю вместо школьных программ взять в руки винтовку. Ушел на фронт глава семьи, и осталась его жена Елизавета мыкать горе с детьми. Правда, старшей - Марии было 15, но зато остальные четверо - мал мала меньше. Младшему сынишке исполнился всего лишь год. Каково? В годы-то тяжелой войны поднять такую семью. Муж слал с фронта письма, тревожился

за детей. Потом писем не стало, и тяжелое предчувствие детей и матери вскоре подтвердилось: пришла похоронка. Чтобы помочь матери, 13-летний сын Антон оставил учебу в школе и начал работать сапожником.

Как две капли воды похожа судьба этой семьи на многие другие многодетные семьи, в т. ч. и семью моего родного дяди Григория Григорьевича. Анна Михайловна Бутакова осталась после ухода на фронт мужа, кроме пятерых детей, еще и с престарелыми свекром и свекровью. Восемь едоков, а рабочих рук - только две. К концу войны ушел на фронт старший сын 17-летний Василий. Был он танкистом и каким-то чудом уцелел, выйдя через нижний люк горящего танка. Скажу и про свою семью. Отец по существу ни за что, ни про что был в заключении (вернулся еле жив к концу войны), а с уходом меня в армию моя мать Татьяна Федоровна осталась с пятерыми детьми. Хорошо, что одна из моих младших сестер - Дуся - после курсов пчеловодов стала работать, ей шел пятнадцатый год. Пришлось бросить школу брату Коле. И вот он стал «старшим мужиком» в семье. А ему всего-то шел двенадцатый год. Он и сейчас при встречах напоминает мне тогдашние свои слова: «Братка, какой я старший? Мне еще мало годов. Ну почему ты нас оставляешь и уходишь в армию? Смотри, как приуныли Валя и Толя, а мама?..» Мать держала на руках годовалого Гену...

Или возьмите семью фронтовика, занесенного навечно в «Книгу Памяти», барнаульца Стяжкина Федора Тимофеевича. Четверо ребятишек остались без отца у его жены Анны Лаврентьевны. Самой старшей дочери - Галине - шел восьмой год. Вот и мыкалась вдова, не гнушаясь никакой работой. Главное - стремилась поднять детей на ноги. Семья осилила войну, но потеряла своего отца. Его имя высечено на мемориале погибших героев Барнаула. И таких семей в городах и селах края были тысячи. И как тут не подтвердить слова, что в годы войны героизму и трудовому подвигу советских женщин нет равных. Край за годы войны дал фронту 160 млн. пудов хлеба, свыше 9 млн. пудов мяса, 2 млрд. литров молока, более 3-х млн. пудов сахара и т. д.

Еще хочу несколько слов сказать о погибших на войне своих сверстниках, чьи имена запечатлены в краевой «Книге Памяти». В одном из тяжелых боев в январе 1944 года погиб на Днепропетровщине мой друг детства Коля Гончаров. Очень тяжело также перенес горькую весть (узнал я об этом после войны) о гибели своего друга юности Андрея Дружинина, скромного, но веселого парня, не пропускавшего ни одной молодежной вечеринки (мы их называли тогда простым словом вечерки). Часто в наступивших сумерках, быстро переходящих в нашей стоящей под горой деревне в ночную темень, подавала звучно-игривый голос его двухрядка. Это был своего рода сигнал к сбору на песни и танцы. Но замолкла гармонь с уходом на фронт Андрея. В 1944 году Андрей пал смертью храбрых при освобождении небольшого поселка Заложцы, что на Тернопольщине. Пытался «оживить» голос гармони его брат Иван, вернувшийся с фронта с осколками в легком, но ненадолго: не вынес он тяжелых ран.

Нелегкой была судьба односельчанина Еремеева. Вот скупые строки «Книги Памяти»: «Еремеев Иван Павлович, призван в армию в 1940 году. Погиб в бою в 1941 г. Похоронен в Киеве». Когда пришла похоронка на него, печалилась и плакала не только в одночасье овдовевшая его жена, но и многочисленная родня Мостовой и Зырянки. Без отца осталась дочь Ивана, годовалая Антонина. Иван Павлович был сыном крепкого зажиточного мужика, которого мы все в деревне звали Павлином. В начале 30-х годов Павлин был раскулачен и выслан. Вскоре он вернулся, но его самый большой дом в деревне был отдан под школу. Сын Иван вступил в колхоз, забыв обиду, прекрасно трудился. Он был отличным машинистом молотилки, работал на лошадях весной и летом, косил жаткой рожь и пшеницу. Как и многие крестьяне, все мог делать и по хозяйству, и в поле. Женился на одной из видных девах села Зырянки Христины Бородиной. Отец и мать уже не работали, но жизнь налаживалась. Урожайные 1936-й и 1939-й годы принесли достаток в колхозные семьи. Помню, в 1936 году в колхозе «Красный партизан» на каждый трудодень было выдано по 6 кг пшеницы. По итогам года выдавались даже растительное масло, мед и т. д. С легкой душой уходили в Красную Армию в 1940 году сын Павлина и его товарищи, а их из трех колхозов был целый взвод. Хорошие проводы им устроили колхозы и вся деревня. Призывники надеялись через два года вернуться домой. Но... Сначала тревожная зима сорокового, а потом военной 1941-й... Многие не вернулись. Не вернулся домой в родное село и Иван.

В «Книге Памяти» нет подробных сведений о погибших, каких-либо частных, определяющих характер война. Но за скупыми и скорбными словами читатель видит

конкретных людей и на какую-то секунду или минуту задумается: «А как это было?». В его воображении может возникнуть картина боя. Он видит воинов во главе с лейтенантом Антоном Таратухиным, бывшим начальником Сорокинского районного отдела «Осовиахим», идущих в атаку. Представляет, что от вражеской пули падает лейтенант и теперь уже не поднимется. Может представиться и такая картина: наши артиллеристы прямой наводкой бьют по танкам. «Тигров» много, несколько из них уже горят, но другие продолжают наползать на позицию отважных батарейцев, в ход идут противотанковые гранаты. Такое было и наяву. Именно так случилось с батареями майора Федюкина - нашего земляка из Троицкого района. Артиллеристы победили, но командир погиб.

Имена Таратухина, Федюкина, многих других тысяч бойцов, погибших в огне войны, занесены в скорбные столбцы краевой «Книги Памяти». Здесь же имя Героя Советского Союза сержанта Александра Грязнова, который, командуя танком, показал пример стойкости и самоотверженности. Его танк был подбит, но Грязнов и экипаж машины сражались до последнего снаряда, а потом и до последнего патрона. Грязнов взорвал свой танк. Танкисты погибли, но не отступили и не сдались врагу. Земляки героя в 1942 году собрали средства на строительство танка имени А. Грязнова. Именем танкиста названо также одно из сел Тюменцевского района.

Эти воины были самыми, что называется, рядовыми участниками великой битвы за освобождение человечества от коричневой чумы - гитлеровского фашизма. Затмить их подвиг невозможно: он в памяти народа, золотыми буквами вписан в историю Родины. Они погибли за Отечество. И в любом случае каждый из них олицетворял собой склад русской души.

Война прошла по стране черной тучей и косила мужскую половину целыми семьями под корень. Погибают один за другим братья Кузьма, Василий и Николай Разумовы из Заринска, Егор Поваров и его сын Николай, четыре брата Гусельниковы. На одной из страниц скорбной книги значится более двадцати Титовых, десятеро Осокиных из с. Сунгай Кытмановского района, на другой - двенадцать Блиновых, в т. ч. пропавшая без вести двадцатилетняя Анна Васильевна. Ей бы детей рожать да воспитывать, но война не щадила никого. В «Книге Памяти» рассказано о гибели отважной санитарки Валентины Колесниковой - школьной учительницы из Славгорода, награжденной орденом Отечественной войны посмертно. Это не единичные примеры непосредственного участия женщин и молодых девчат во фронтовых сражениях.

Списки с горькими фразами камнем ложатся на душу и сердце. Листаешь страницы томов книги-памятника, и наплывают одно за другим воспоминания о войне, фронтовых дорогах и огромной тяжести военной жизни тружеников тыла. Каждая строка отдается болью, и невольно задаешься вопросом о причинах слабости нашей обороны первых дней нашествия врага, возникшей в ряде мест низкой боеспособности некоторых армейских частей, растерянности командования. Диву даешься, как могло случиться, что целые соединения оказались во вражеском окружении, тысячи красноармейцев и командиров - в плену или пропали без вести.

История Родины показывает, что во все грозящие катастрофой времена, включая и Отечественную войну, люди России вставали грудью на защиту родных рубежей, всегда славились стойкостью и отвагой, когда стране угрожала смертельная опасность. Пусть мы сегодня говорим об обычных случаях жизни, работы, войны, но ведь надо помнить, что бойцы положили свои жизни именно в тот период, когда враг стремился поработить страну и, больше того, погубить советских людей (русских, украинцев, белорусов, татар, евреев и т. д.), а оставшихся в живых - расселить за Уралом. Об этом открыто говорили теоретики и стратеги гитлеризма.

Нельзя обойти молчанием и тот факт, что война с нашей стороны носила интернациональный характер, о чем известно всему миру. Скажу об этом не подробно, а в более узком смысле. Вместе с русскими воевали и гибли за свободу представители всех наций, входивших тогда в Советский Союз. Об этом говорят также и страницы нашей краевой «Книги Памяти». Вот читаю строки о погибших воинах из того же Заринского района. Хмелевский сельский Совет. Скорбный список фамилий и имен здесь, пожалуй, самый большой из всего второго тома и занимает двенадцать двухколонок страниц. Иван Янчук и его женатые братья Василий и Петр были призваны в Красную Армию с первых дней войны, участвовали во многих военных операциях. С фронта не вернулись. Та же горькая участь постигла братьев-мордвинов Кирилла и Петра Мураткиных, сгинул в огне войны и их младший брат восемнадцатилетний Михаил. За полмесяца до Дня

Победы погибла Светлана Александровна - дочь из русской семьи Лебедевых. Пропал без вести эстонец Юганес Кууль. В числе призванных в армию из этого сельсовета были немцы Карл Видергольдт и Карл Лейнер. Последний больше двух лет пробыл на фронте и погиб в бою на землях Эстонии. В списках немало имен воинов, участвовавших в заключительном «аккорде» второй мировой войны. На полях сражений против японских милитаристов в Монголии сложил голову лейтенант из той же Хмелевки Игнат Владимиров. В Маньчжурии похоронены молодые солдаты Фаттей Гусельников и Василий Гребенкин. Воины с Алтая участвовали в боях за освобождение Польши, Болгарии, других стран Восточной Европы.

В списках воинов, участвовавших в боях первого года войны, часто встречаем горькую фразу «пропал без вести». Нетрудно представить, что она означает. Может, попал солдат вместе с частью или подразделением в окружение, а может, ушел в разведку и не вернулся. Был заброшен в тыл врага, и судьба его так и осталась неизвестной. Еще горше думать, что был солдат пленен и испытал страшные дни фашистского концлагеря. Например, родные так и не знают о судьбе братьев Михаила и Алексея Луневых из Егорьевского района, братьев Кононовых и их односельчанина Ивана Кудрина из Заринского района.

Рядовой, сержант, лейтенант, капитан, политрук, другие воинские звания идут чередой, когда читаешь списки воинов г. Змеиногорска, жизнь которых оборвала война. На одной из страниц значится десять имен Ивановых, в их числе ст. лейтенант Филипп Андреевич, его старший брат рядовой Алексей Андреевич. В боях под Сталинградом пали смертью храбрых ст. сержант Максим Лисов и сержант Степан Плотников, капитан Емельян Евтухов погиб в Польше в 1945 году. В боях за Родину пало около 1200 змеиногорцев.

А сколько имен еще не найдено, сколько фронтовиков умерло от ран, вскоре после возвращения домой и тоже не доживших до Дня Победы. Так, в моем родном селе уже дома умерли от ран Иван Денисов, Яков Кобзев, мой школьный товарищ Иван Дружинин и другие. Назову также имя отца моего друга Петра - Кобзева Ивана Митрофановича. Он был участником строительства «Дороги жизни» через Ладожское озеро во время блокады Ленинграда. Несколько раз проваливался в ледяную воду, простудился и тяжело заболел. Вернулся домой, но пожил немного. Нет имен этих людей в «Книге Памяти». Но как же забыть их! Тем более, что таких людей по краю десятки тысяч. Очевидно, специальная «Книга Памяти» о них еще ждет своего времени. Недолго прожил после фронтового ранения мой дядя Василий Мельниченко, другие односельчане - участники войны.

Чем больше проходит времени, тем явственнее и чувствительнее возникают в памяти трагические события и судьбы людей, искалеченных войной. Каждый раз при воспоминаниях о ней приходится думать, что могло бы быть со страной, не встань на ее защиту весь советский народ? Ответ напрашивается только однозначный. Тяжкие испытания были выдержаны народом, понесшим большие жертвы, но отстоявшим Отечество от порабощения фашизмом.

Пятидесятилетие Победы - срок немалый, но о войне помнят все, ощущают реальную связь прошлого с настоящим, прочную связь поколений. Поэтому, когда приходишь, например, к нынешним школьникам, всегда чувствуешь это и знаешь, что от тебя хотят дети. И надо видеть, с какой искринкой в глазах и любознательностью они слушают рассказы о подвигах народа во имя Победы над врагом. Воспринимаются рассказы ветеранов о войне как необходимая нить в связующем звене поколений, исторического смысла подвига воинов. Вместе с тем для людей старшего поколения воспоминания о минувшей смертельной схватке с фашизмом, о фронтовых событиях, о товарищах, героизме в этом страшном пожаре, есть и гордость за свое поколение. Для молодых память о войне - это познание прошлого, выработка в своем сознании любви к Отчизне, забота о ее защите и процветании. Память о погибших за Отечество жива и незабвенна.